

Содержание

Общий пролог (<i>Пер. И. Кашкин</i>)	3
Рассказ Рыцаря о вражде Паламона и Аристы (<i>Пер. О. Румер</i>)	35
Пролог к рассказу Мельника (<i>Пер. И. Кашкин</i>)	113
Рассказ Мельника о старом плотнике, его молодой жене, школяре Николасе и псаломщике Абсолоне (<i>Пер. И. Кашкин</i>)	116
Пролог к рассказу Мажордома (<i>Пер. И. Кашкин</i>)	144
Рассказ Мажордома о том, как кембриджские студенты проучили трэмпигтонского мельника (<i>Пер. И. Кашкин</i>)	146
Пролог к рассказу Повара (<i>Пер. И. Кашкин</i>)	163
Рассказ Повара о плуте Перкине (<i>Пер. И. Кашкин</i>)	164
Пролог к рассказу Юриста (<i>Пер. И. Кашкин</i>)	168
Рассказ Юриста о злключениях Констанцы (<i>Пер. О. Румер</i>)	172
Пролог к рассказу Шкипера (<i>Пер. И. Кашкин</i>)	214
Рассказ Шкипера о купце, жене его и кузене Жане (<i>Пер. И. Кашкин</i>)	215
Эпилог к рассказу Шкипера (<i>Пер. И. Кашкин</i>)	231

Пролог к рассказу о сэре Топасе (<i>Пер. И. Кашкин</i>)	232
Рассказ о храбром рыцаре, сэре Топасе (<i>Пер. О. Румер</i>) . . .	233
Эпилог к рассказу о сэре Топасе (<i>Пер. И. Кашкин</i>)	241
Пролог к рассказу Монаха (<i>Пер. И. Кашкин</i>)	243
Рассказ Монаха о злополучной судьбе великих мира сего (<i>Пер. О. Румер</i>)	247
Пролог к рассказу Капеллана (<i>Пер. И. Кашкин</i>)	254
Рассказ Капеллана о петухе и курочке, Шантиклэре и Пертелот (<i>Пер. И. Кашкин</i>)	256
Эпилог к рассказу Капеллана (<i>Пер. И. Кашкин</i>)	279
Рассказ Врача о несчастной Виргинии (<i>Пер. О. Румер</i>) . . .	281
Эпилог к рассказу Врача (<i>Пер. И. Кашкин</i>)	291
Пролог Продавца индульгенций (<i>Пер. И. Кашкина</i>)	293
Рассказ Продавца индульгенций о трех повесах и о погубившем их кладе (<i>Пер. И. Кашкин</i>)	298
Пролог к рассказу батской Ткачихи (<i>Пер. И. Кашкин</i>)	317
Рассказ батской Ткачихи о рыцаре и старухе (<i>Пер. И. Кашкин</i>)	352
Пролог к рассказу Кармелита (<i>Пер. И. Кашкин</i>)	368
Рассказ Кармелита о приставе и черте (<i>Пер. И. Кашкин</i>)	369
Пролог к рассказу Пристава церковного суда (<i>Пер. И. Кашкин</i>)	384
Рассказ Пристава церковного суда о том, как попался впросак монах — сборщик подаяний (<i>Пер. И. Кашкин</i>)	386

Пролог к рассказу Студента (<i>Пер. И. Кашкин</i>)	410
Рассказ Студента о многострадальной Гризельде (<i>Пер. О. Румер</i>)	412
Пролог к рассказу Купца (<i>Пер. И. Кашкин</i>).	458
Рассказ Купца о старом Януарии и юной Мае (<i>Пер. О. Румер</i>)	459
Эпилог к рассказу Купца (<i>Пер. И. Кашкин</i>).	500
Пролог к рассказу Сквайра (<i>Пер. И. Кашкин</i>).	501
Рассказ Сквайра о чудесном коне и сердобольной Канаке (<i>Пер. О. Румер</i>)	501
Эпилог к рассказу Сквайра (<i>Пер. И. Кашкин</i>).	524
Пролог к рассказу Франклина (<i>Пер. И. Кашкин</i>)	526
Рассказ Франклина о рыцаре Арвираге и жене его — прекрасной Доригене (<i>пер. О. Румер</i>)	527
Рассказ второй Монахини о святой Цецилии (<i>Пер. О. Румер</i>)	558
Пролог к рассказу Слуги каноника (<i>Пер. И. Кашкин</i>)	580
Рассказ Слуги каноника об алхимии и алхимиках (<i>Пер. И. Кашкин</i>)	586
Пролог к рассказу Эконома (<i>Пер. И. Кашкин</i>)	614
Рассказ Эконома о Фебе и его вороне (<i>Пер. И. Кашкин</i>)	618
Пролог к рассказу Священника (<i>Пер. И. Кашкин</i>).	630
Комментарии И. Кашкина.	634

Общий пролог

Здесь начинается книга Кентерберийских рассказов

Когда Апрель обильными дождями
Разрыхлил землю, взрытую ростками,
И, мартовскую жажду утоля,
От корня до зеленого стебля
Набухли жилки той весенней силой,
Что в каждой роще почки распустила,
А солнце юное в своем пути
Весь Овна знак успело обойти^[1],
И, ни на миг в ночи не засыпая,
Без умолку звенели птичьи стаи,
Так сердце им встревожил зов весны, —
Тогда со всех концов родной страны
Паломников бесчисленных вереницы
Мощам заморским снова поклониться
Стремилась истоиво; но многих влек
Фома Бекет^[2], святой, что им помог
В беде иль исцелил недуг старинный,
Сам смерть приняв, как мученик безвинный.
Случилось мне в ту пору завернуть
В харчевню «Табард»^[3], в Соуерке, свой путь
Свершая в Кентербери по обету;
Здесь ненароком повстречал я эту

Компанию. Их двадцать девять было.
Цель общая в пути соединила
Их дружбою; они — пример всем нам —
Шли поклониться праведным мощам.
Конюшен, комнат в «Табарде» немало,
И никогда в нем тесно не бывало.
Едва обильный ужин отошел,
Как я уже со многими нашел
Знакомых общих или подружился
И путь их разделить уговорился.
И вот, покуда скромный мой рассказ
Еще не утомил ушей и глаз,
Мне кажется, что было бы уместно
Вам рассказать все то, что мне известно
О спутниках моих: каков их вид,
И звание, и чем кто знаменит
Иль почему в забвеньи пребывает;
Мой перечень пусть Рыцарь открывает.
Тот Рыцарь был достойный человек^[4].
С тех пор как в первый он ушел набег,
Не посрамил он рыцарского рода;
Любил он честь, учтивость и свободу;
Усердный был и ревностный вассал.
И редко кто в стольких краях бывал.
Крещеные и даже басурмане
Признали доблести его во брани.
Он с королем Александрию брал^[5],
На орденских пирах он восседал
Вверху стола, был гостем в замках прусских,

Ходил он на Литву, ходил на русских,
А мало кто — тому свидетель бог —
Из рыцарей тем похвалиться мог.
Им в Андалузии взят Алжезир^[6]
И от неверных огражден Алжир.
Был под Лайасом он и Саталией
И помогал сражаться с Бельмарией^[7].
Не раз терпел невзгоды он и горе
При трудных высадках в Великом море^[8],
Он был в пятнадцати больших боях;
В сердца язычников вселяя страх,
Он в Тремиссене трижды выходил
С неверным биться, — трижды победил.
Он помогал сирийским христианам
Давать отпор насильникам-османам,
И заслужил повсюду почести он.
Хотя был знатен, все ж он был умен,
А в обхожденье мягок, как девица;
И во всю жизнь (тут есть чему дивиться)
Он бранью уст своих не осквернял —
Как истый рыцарь, скромность соблюдал.
А что сказать мне об его наряде?
Был конь хорош, но сам он не параден;
Потерт кольчугой был его камзол,
Пробит, залатан, в пятнах весь подол.
Он, возвратясь из дальнего похода,
Тотчас к мощам пошел со всем народом.
С собой повсюду сына брал отец.
Сквайр^[9] был веселый, влюбчивый юнец

Лет двадцати, кудрявый и румяный.
Хоть молод был, он видел смерть и раны:
Высок и строен, ловок, крепок, смел,
Он уж не раз ходил в чужой предел;
Во Фландрии, Артуа и Пикардии^[10]
Он, несмотря на годы молодые,
Оруженосцем был и там сражался,
Чем милостей любимой добивался.
Стараньями искусных дамских рук
Наряд его расшит был, словно луг,
И весь искрился дивными цветами,
Эмблемами, заморскими зверями.
Весь день играл на флейте он и пел,
Изрядно песни складывать умел,
Умел читать он, рисовать, писать,
На копьях биться, ловко танцевать.
Он ярок, свеж был, как листок весенний.
Был в талию камзол, и по колени
Висели рукава^[11]. Скакал он смело
И гарцевал, красуясь, то и дело.
Всю ночь, томясь, он не смыкал очей
И меньше спал, чем в мае соловей.
Он был приятным, вежливым соседом:
Отцу жаркое резал за обедом.
Не взял с собою Рыцарь лишних слуг,
Как и в походах, ехал он сам-друг.
С ним Йомен был^[12], — в кафтане
с капюшоном;
За кушаком, как и наряд, зеленым

Торчала связка длинных, острых стрел,
Чьи перья Йомен сохранять умел —
И слушалась стрела проворных рук.
С ним был его большой могучий лук^[13],
Отполированный, как будто новый.
Был Йомен кряжистый, бритоголовый,
Студеным ветром, солнцем опален,
Лесной охоты ведал он закон.
Наручень пышный стягивал запястье,
А на дорогу из военной снасти
Был меч и щит и на боку кинжал;
На шее еле серебром мерцал,
Зеленой перевязью скрыт от взора,
Истертый лик святого Христофора^[14].
Висел на перевязи турий рог —
Был лесником, должно быть, тот стрелок.

Была меж ними также Аббатиса —
Страж знатных послушниц и директриса^[15].
Смягчала хлад монашеского чина
Улыбкой робкою мать Эглантина.
В ее устах страшнейшая хула
Звучала так: «Клянусь святым Элуа»^[16].
И, вслушиваясь в разговор соседний,
Все напевала в нос она обедню;
И по-французски говорила плавно^[17],
Как учат в Стратфорде, а не забавным
Парижским торопливым говорком.
Она держалась чинно за столом:

Не поперхнется крепкою наливкой,
Чуть окуная пальчики в подливку^[18],
Не оботрет их о рукав иль ворот.
Ни пятнышка вокруг ее прибора.
Она так часто обтирала губки,
Что жира не было следов на кубке.
С достоинством черед свой выжидала,
Без жадности кусочек выбирала.
Сидеть с ней рядом было всем приятно —
Так вежлива была и так опрятна.
Усвоив нрав придворных и манеры,
Она и в этом не теряла меры
И возбуждать стремилась уваженье,
Оказывая грешным снисхожденье.
Была так жалостлива, сердобольна,
Боялась даже мышке сделать больно
И за лесных зверей молила небо.
Кормила мясом, молоком и хлебом
Своих любимых маленьких собачек.
И все нет-нет — Игуменья заплачет:
Тот песик околел, того прибили —
Не все собак игуменьи любили.
Искусно спloенное покрывало
Высокий, чистый лоб ей облегало.
Точеный нос, приветливые губки
И в рамке алой крохотные зубки,
Глаза прозрачны, серы, как стекло, —
Все взор в ней радовало и влекло.
Был ладно скроен плащ ее короткий,
А на руке коралловые четки

Расцветивал зеленый малахит.
На фермуаре золотой был щит
С короной над большою буквой «А»,
С девизом: “*Amor vincit omnia*”^[19].
Была черница с нею для услуги
И трое Капелланов; на досуге
Они вели с Монахом важным спор.

Монах был монастырский ревизор.
Наездник страстный, он любил охоту
И богомолье — только не работу.
И хоть таких монахов и корят,
Но превосходный был бы он аббат:
Его конюшню вся округа знала,
Его уздечка пряжками брэнчала,
Как колокольчики часовни той,
Доход с которой тратил он, как свой.
Он не дал бы и ломаной полушки
За жизнь без дам, без псарни, без пирушки.
Веселый нравом, он терпеть не мог
Монашеский томительный острог,
Устав Маврикия и Бенедикта^[20]
И всякие прескрипты и эдикты.
А в самом деле, ведь Монах-то прав,
И устарел суровый сей устав:
Охоту запрещает он к чему-то
И поучает нас не в меру круто:
Монах без кельи — рыба без воды.
А я большой не вижу в том беды.